
Л. А. МУСАЕЛЯН

**РОССИЯ В XXI ВЕКЕ:
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИЛИ ЭПОХА
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?***

Последние десятилетия ушедшего столетия свидетельствовали о том, что в ведущих странах мира наиболее динамично развивающимися стали отрасли экономики, базирующиеся на наукоемких технологиях. Они играют важную роль в постиндустриальных хозяйствах. В них создается почти половина ВВП, обеспечивается большая часть прироста ВВП¹. Уже сегодня доля фактора «знание» в общей стоимости выпускаемой продукции превысила пятьдесят процентов². Все это свидетельствует о том, что к началу XXI века интеллектуальный потенциал общества превратился в определяющий фактор экономического и социального прогресса. Очевидно и то, что его роль в обществе будет постоянно возрастать. По оценкам ученых, к 2010 году в развитых странах мира доля занятых только в секторе информационных технологий составит более половины всех работающих³. Учитывая значение научных знаний в современной жизни, уместно указать на определенное

* Работа выполнена в рамках научной программы 015 «Университеты России» по разделу № 10 «Гуманитарные проблемы» (тема: «Современная форма научного материализма»).

¹ См.: *Иноземцев В. Л.* Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3; *Фортвов В. Е.* Индустрия программного обеспечения – это шанс для России // *Независимая газета*. 2000. 22 нояб.

² *Ваганов А.* Знаниям придадут товарный вид // *Независимая газета*. 2001. 16 авг. С. 4.

³ См.: *Фортвов В. Е.* Указ. соч. С. 3.

сходство понятия «интеллектуальный потенциал общества» с понятием «эволюционный потенциал». Подобно тому как в естествознании эволюционный потенциал характеризует эволюционные возможности предбиологических и биологических систем, интеллектуальный потенциал общества характеризует возможности (перспективу) развития социума.

Превращение интеллектуального потенциала общества в мощный фактор прогресса заметно изменило картину международных экономических и политических отношений. В индустриальную эпоху решающую роль в экономике играла добывающая и обрабатывающая промышленность. Отсюда экономическая и нередко военная экспансия развитых капиталистических государств в регионы мира с богатыми природными ископаемыми и емким рынком. За счет эксплуатации дешевых природных и людских ресурсов третьего мира ведущие капиталистические страны обеспечивали себе динамичное экономическое развитие и высокий уровень жизни. В этот период наблюдалась тенденция вывоза капитала в слаборазвитые страны и строительство там, вблизи источников сырья, далеко не безупречных с экологической точки зрения предприятий. В 90-е гг. в связи с тем, что в экономике ведущих капиталистических держав определяющую роль начинают играть ресурс- и энерго-сберегающие наукоемкие технологии, возникает новая тенденция – обратное перемещение капитала из отсталых стран в развитые. В 90-е гг. львиная доля инвестиций приходилась на развитые страны. Так, по данным ООН, в 1995 г. из 315 млрд долл. инвестиций 203 млрд получили развитые страны. Больше всех денег было вложено в экономику США – 60 млрд долл., а на долю ста беднейших стран (т. е. более половины государств мира) пришлось чуть более 3 млрд долл., т. е. 1% всех инвестиций за этот год⁴.

Уже в 80-е гг. практически были исчерпаны возможности увеличения прибыли за счет экономии оплаты труда и применения дешевой рабочей силы. Сегодня экономически

⁴ См.: *Диалог*. 1997. № 6. С. 77.

более эффективным оказывается использование труда высококвалифицированных специалистов в секторах наукоемких технологий. В США считается очень высокой норма прибыли, если она достигает 5–10%. Между тем норма прибыли в сфере бизнеса информационных технологий составляет от 30 до 100%⁵. Поэтому спрос на специалистов для этого сектора экономики очень высок. Подготовка же высококвалифицированных работников, занятых в наукоемких технологиях, требует больших затрат. Отсюда и четко обозначившаяся в последние два десятилетия политика ведущих капиталистических держав на перекачку «мозгов» из слаборазвитых стран. Только из одной Индии ежегодно по упрощенной визовой схеме США выманивают 60–70 тыс. молодых специалистов. По свидетельству академика В. Е. Фортова, сегодня 36% сотрудников известной фирмы «Майкрософт», 32% работающих в НАСА, 12% занятых в компании «Интел» – индийцы. В России в 2000 г. в сфере информационных технологий было занято 2000 человек, а выехало подобных специалистов на один-два порядка больше⁶. По оценке нобелевского лауреата Чжэньнин Янга, преподаватели математики в самых лучших университетах США – из Московского университета⁷. Симптоматично недавнее решение властей США об упрощении механизма выдачи виз молодым специалистам из России. Можно сказать, что высокий уровень интеллектуального потенциала ведущих держав мира, обеспечивающего им динамичное развитие и благополучную жизнь, в немалой степени поддерживается за счет перекачки «серого вещества» из слаборазвитых стран. Не тратя ни цента на подготовку высококлассных специалистов, они, по существу, за счет слаборазвитых стран создают себе комфортные условия жизни сегодня и перспективу на будущее, лишая этого будущего тех, кого обокрали. Если вещи называть своими именами,

⁵ См.: *Фортов В. Е.* Указ. соч.

⁶ Там же.

⁷ *Савицкая Н.* Аттестат зрелости для российского образования // Независимая газета. 2001. 24 янв. С. 10.

то перекачка «мозгов» есть современная форма неокOLONизма. Отличие от индустриальной эпохи лишь в том, что наряду (или вместо) с дешевым сырьем и энергоносителями теперь вывозится из стран третьего мира их интеллектуальный потенциал – потенциал развития. В результате этой политики богатые становятся еще богаче, темпы их экономического развития ускоряются, а бедные беднеют, темпы их развития замедляются. Разрыв между первыми и вторыми в социально-экономическом развитии превращается в пропасть. Естественно, при этом сужаются возможности стран третьего мира восстановления и развития своего интеллектуального потенциала, что в свою очередь сказывается на социально-экономическом благополучии населения. Разрыв в уровне развития интеллектуального потенциала между странами проявляется и в усиливающемся их неравенстве в доступе к информационно-коммуникативным и иным современным технологиям. Это неравенство является новой глобальной проблемой современной эпохи. Очевидно, что ограбление интеллектуального потенциала слабо-развитых стран по своим пагубным, разрушительным последствиям не идет ни в какое сравнение с вывозом сырья и энергоносителей. Разрыв между развитым Западом и остальным миром постоянно возрастает. Различия приобретают все более глубокий, тотальный характер, раскалывая современную цивилизацию на две неравные части, на так называемый «золотой миллиард», которому уготовлено достойное будущее, и все остальное население планеты, оказавшееся на периферии исторического процесса. Нынешняя политика ведущих держав мира в отношении развивающихся стран напоминает чем-то библейскую историю о захвате Вавилоном Иудеи (587 г. до н. э.). Захватить страну и покорить ее далеко не одно и то же. Навуходоносор – царь Вавилона – не последовал примеру Ассирии, которая переселила все население (десять колен) Израиля (впоследствии исчезнувшее). Ему нужна была не только территория, но и люди, обрабатывающие эту землю. Однако оставить все население в Иудее он не мог. Это означало бы создать по-

стоянный очаг опасных восстаний. Выход был найден. Навуходоносор переселил наиболее активную часть населения Иудеи – ученых, знать, ремесленников. Говоря современным языком, он лишил Иудею ее интеллектуального потенциала. Оставшаяся часть населения покорно работала на чужеземцев. Другими словами, интеллектуальный потенциал – не только важнейший фактор социально-экономического развития, но и необходимое условие национальной, государственной независимости. И то, что справедливо для древних обществ, то вдвойне справедливо для современной цивилизации.

Рассмотрим теперь состояние дел в нашей стране.

Уровень развития интеллектуального потенциала и его востребованность в обществе могут определяться по самым различным показателям: удельному весу наукоемких технологий в экономике и в формировании ВВП, новизне основных фондов и скорости их обновления, производительности общественного труда, удельному весу страны в мировой торговле и особенно в торговле наукоемкой продукцией, социальному статусу людей, занятых высококвалифицированным умственным трудом и т. д. Безусловно, важным индикатором состояния интеллектуального потенциала страны являются духовная жизнь общества, уровень нравственной, правовой и особенно философской культуры, проявляющейся в типе господствующего в обществе мировоззрения. С сожалением приходится констатировать, что, несмотря на имеющийся пока еще солидный интеллектуальный потенциал, есть серьезные основания отнести сегодня нашу страну – эту бывшую мировую державу – к разряду слаборазвитых государств. Россия входит в XXI век фактически как страна-банкрот с внешним государственным долгом более 150 млрд долларов. Это означает, что каждый россиянин, включая грудных детей, задолжал Западу более тысячи долларов. Страна встречает третье тысячелетие с крайне отсталой технологической и производственной базой и очень низким уровнем жизни населения.

В 1999 г. доход на душу населения в России, даже по самым оптимистическим оценкам, был меньше среднемирового показателя в 5–6 раз⁸. По совокупному индексу технологического прогресса (наличие телевизора, факса, персонального компьютера, Интернет-хоста, мобильного телефона, электронной коммерции) Россия в списке из 59 стран разделяет 56–59-е место. У нас на душу населения приходится 0,05 компьютера. В мировом образовательном пространстве она также замыкает шестой десяток, т. е. находится среди слаборазвитых стран⁹.

По участию в мировой торговле и структуре экспорта Россия также может быть отнесена к слаборазвитым странам. В качестве торгового партнера Запада она выступает в основном как поставщик сырья и энергоносителей. В 1999 г. доля топливной промышленности, продукции черной и цветной металлургии, энергетики в экспорте России составляла более 70%, а в ВВП страны – лишь 15%. В то же время в мировом экспорте наукоемкой продукции ее доля была менее 1%, а США – 36%¹⁰. Сам по себе экспорт сырья и энергоносителей не может оцениваться негативно, если этот вывоз является временной и вынужденной мерой или служит средством поддержания благополучия населения (так как природные богатства по Конституции страны принадлежат всему народу). Известно ведь, что многие монархические режимы Ближнего Востока за счет «черного золота» обеспечили высокий уровень жизни населения своих стран и, более того, в крупнейших банках мира накапливают золотовалютные резервы в качестве фонда развития будущих поколений. В современной демократической России ситуация совершенно другая. По подсчетам академика Д. Львова, две трети (45–60 млрд долл.) ренты от эксплуатации природных ресурсов присваивается финансо-

⁸ Подсчитано по данным: Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек. С. 4.

⁹ См.: Каишев Ю. На передовом рубеже глобализации // Независимая газета. 2000. 28 нояб. С. 14; Коротков А. Над пропастью во лжи // Там же. 29 нояб. С. 3.

¹⁰ См.: Путин В. В. Указ. соч.

выми и прочими олигархами, властными и окол властными структурами, криминальным бизнесом и лишь одна треть (20 млрд долл.) идет в бюджет государства¹¹. Учитывая, что большая часть незаконно присвоенных денег уходит на Запад и оседает там на частных счетах, можно сказать, что подобный экспорт является не просто ограблением народа, но и лишением страны будущего.

С начала 90-х гг. Россия стала для Запада еще и важным источником обогащения своего интеллектуального потенциала. Так, по единодушному мнению ведущих политиков Израиля, своим сегодняшним благополучием эта страна во многом обязана бывшим советским гражданам. Десятки тысяч молодых ученых, высококлассных специалистов, не найдя достойного применения своего интеллекта в собственной стране, выехали в развитые страны мира. «Обвал» России в доиндустриальную эпоху, конечно, результат разрушительных реформ 90-х гг. Но объективности ради следует сказать, что кризисные явления в стране возникли раньше. С середины 70-х гг. стали заметно снижаться темпы экономического роста, возникли диспропорции в народном хозяйстве, наметилась тенденция старения основных фондов, падала производительность общественного труда, происходило все большее технологическое отставание от Запада. Одной из главных причин возникших тогда негативных тенденций было отсутствие продуманной политики по эффективному применению мощного интеллектуального потенциала страны. Нельзя сказать, что власть совсем не понимала этого. Однако дело до принятия конкретных практических мер для выправления ситуации в этой области так и не дошло. Тогда же наметились кризисные явления в системе образования страны, которая, как и наука, финансировалась по остаточному принципу. Отсутствие должного внимания к сохранению интеллектуального потенциала, его частичная востребованность (должным образом поддерживались лишь те научные коллективы, кото-

¹¹ Львов Д. Экономическая модель XXI века // Независимая газета. 1999. 29 дек. С. 15.

рые были связаны с ВПК) негативно сказались на состоянии науки. Удельный вес наших ученых в мире за период с 1975 по 1988 год снизился с 25 до 19%, а в США за это время он возрос с 23 до 34%¹². Учитывая, чем закончилось экономическое и военно-техническое соревнование СССР и США, можно сказать, что эта ошибка в области научно-технической политики тогдашних руководителей СССР была роковой и для самой власти, и, что более важно, для страны. Крушение СССР подтверждает тезис: интеллектуальный потенциал общества – важнейший фактор государственной безопасности. Именно поэтому сегодня расходы США на образование вдвое превышают военные затраты¹³. В России, как известно, ситуация прямо противоположная, что, как показали события в Чечне, и определяет уровень государственной безопасности.

Новая политическая элита России еще в период горбачевской перестройки обозначила свое появление беспощадной (часто справедливой) критикой власти и заверениями вывести страну в разряд ведущих («цивилизованных») держав мира. Обращаясь к народу, она искала и находила поддержку большей частью не у рабочих и крестьян, а у интеллигенции. Последняя поддержала новоявленных «спасителей» страны не только потому, что была загипнотизирована их обещаниями обеспечить народу достойную жизнь, но и потому, что, в отличие от рабочих и крестьян, была обделена должным вниманием прежней власти. У нее еще были свежи ощущения своей невостребованности и социальной неполноценности (как «прослойки» общества). Парадокс прошедших реформ заключается в том, что именно интеллигенция, ставшая главной социальной опорой реформаторов, была обманута ими, именно она более всех пострадала от реформ. Бывший средний класс СССР превратился (большой частью) в класс «новых бедных» России. Учитывая, что интеллигенция является главным носителем интеллектуального потенциала общества, по-

¹² Парфенов. Нужны ли нам Ломоносовы? // Правда. 1991. 28 февр. С. 3.

¹³ См.: *Иноземцев В. Л.* Указ. соч. С. 144.

добная метаморфоза в эпоху НТР может иметь катастрофические последствия не только для самого этого класса, но и для всей страны.

Реформы 90-х гг. фактически ни одну из задач, стоящих перед страной, не разрешили. Правда, был ликвидирован дефицит. Но это произошло не из-за динамичного подъема экономики, а из-за резкого падения покупательной способности населения и наводнения внутреннего рынка импортной продукцией. По всем важнейшим социально-экономическим показателям за годы реформ произошло обвальное падение. За 1991–1999 гг. объем производства в промышленности сократился на 46%, а в сельском хозяйстве – на 40%. Инвестиции в экономику в 1999 г. составили 26% уровня 1991 года¹⁴. Доля оборудования со сроком эксплуатации более пяти лет в 1990 г. составляла 71%, а в 1998 г. – уже 95,5%. Производительность общественного труда в промышленности в 1998 г. составила 20–24% уровня США (а в конце 80-х гг. было 65–70%. – Л. М.). Расходы на НИОКР во всем мире быстро росли, а в России в таком же темпе падали¹⁵. Оценивая сложившуюся к концу 90-х гг. ситуацию в народном хозяйстве, нынешний Президент России приходит к неутешительному выводу: «Идет разрушение самих материальных основ экономики страны»¹⁶. Как сказались эти реформы на материальном положении большей части населения страны, общеизвестно. Но если ни одна жизненно важная для общества проблема не была решена за десять лет реформ, то в чем же был их смысл? Вопреки декларациям, единственной и подлинной задачей реформаторов было разрушение экономического базиса социализма, чтобы сделать необратимым внутренний и внешний политический курс страны, укрепить политическую власть новоявленной компрадорской буржуазии. Бытует мнение, что новая власть России, в отличие от про-

¹⁴ *Годин Ю.* Надежд на реинтеграцию все меньше // Независимая газета. 2000. 29 нояб. С. 10.

¹⁵ *Путин В. В.* Указ. соч.

¹⁶ Там же.

шлой, деполитизировала и деидеологизировала экономическую сферу. Мнение это, как представляется, глубоко ошибочное, поскольку экономическая деятельность реформаторов имела исключительно антисоциалистическую и антикоммунистическую направленность. Это предопределило и участь интеллектуального потенциала страны, который, похоже, рассматривался как интеллектуальная (идеологическая) основа социализма. В первой половине 90-х гг. предпринимались попытки ликвидировать «наследие тоталитарного режима» – Академию наук и кафедры общественных наук в вузах. Многие, вероятно, помнят недвусмысленный призыв Б. Н. Ельцина «разобраться, что они там на этих кафедрах преподают». Руководствуясь идеей «избыточности» науки в России, власть из года в год сокращала ее финансирование. К 1999 г. по сравнению с советским периодом финансирование сократилось в 15–20 раз. Академия наук России получила к этому времени столько же денег, сколько заурядный вуз в США с числом студентов в 4 тыс. человек¹⁷. В результате такой политики количество научных работников страны в 90-е гг. сократилось в два раза¹⁸.

Конечно, «избыточной», с точки зрения реформаторов, была и доставшаяся ей советская система образования. Сокращение финансирования (приблизительно в десять раз), видимо, показалось недостаточным для преодоления этой «избыточности». Поэтому в результате реформы планка обязательной интеллектуальной подготовки подрастающего поколения была опущена с 11-летнего полного среднего до 9-летнего неполного среднего образования. По существу, это означало сознательное отбрасывание страны в доиндустриальную эпоху. Между тем в развитых странах (на которые ориентировалась в начале реформ новая политическая элита) уже давно обсуждается вопрос о переходе от обязательного (12-летнего) среднего к обязательному выс-

¹⁷ *Месяц Г.* Наука и ее зазеркалье // Известия. 1999. 19 янв.

¹⁸ *Дынкин А. К.* Ресурсы и кадры российской науки // Независимая газета. 2001. 16 янв. С. 3.

шему образованию. Как наследие «тоталитарного режима», не могли не исчезнуть детские и молодежные организации, игравшие немаловажную роль в гражданском становлении подрастающего поколения. Целенаправленное сужение возможности воспроизводства интеллектуального потенциала общества означает, что реформаторы своими действиями лишали страну будущего. Симптоматично в этой связи то, что нынешняя элита России посылает своих детей учиться за рубеж.

Хотя в России и сохранилась государственная система образования, однако неумное желание реформаторов коммерциализировать все и вся не прошло бесследно. Согласно Ярославу Кузьминову, учитывая все виды официальных и неофициальных трат при поступлении в вузы, три четверти студентов учатся у нас на платной основе¹⁹. Зная, что приблизительно 80% населения страны относятся к бедным и малообеспеченным, можно сделать вывод, что в результате реформ высшее образование стало привилегией лишь небольшой части общества, так называемого высшего класса. Иначе говоря, оно стало носить парентократический характер (возможность обучения определяется толщиной кошелька родителей). Расслоение затронуло и школьное обучение. Одни обучаются по минимальной программе до 9-го класса. Другие – по высоким требованиям полной средней школы. Отсутствие равенства стартовых позиций у подрастающего поколения еще больше усиливает расслоение и поляризацию общества, делает ее наследственной. Видимо, не случайно после реформы системы образования из названия этого ведомства исчезло слово «народный». Но может ли общество считаться демократическим, если в нем словная система образования?

Сокращение финансирования науки и образования не могло не сказаться негативно на экономике страны. Анализ опыта реформ стран Центральной и Восточной Европы, проведенный российскими учеными, показал, что есть да-

¹⁹ См.: *Савицкая Н.* Конец мифа о российском образовании // Независимая газета. 2000. 2 дек. С. 8.

леко не случайная зависимость между экономической динамикой и государственными расходами на образование и науку. В тех странах (Венгрия, Чехия, Польша, Словакия), где удалось сохранить финансирование образования и науки хотя бы на прежнем уровне, существует явная положительная хозяйственная динамика. В других (Болгария, Россия, Румыния, Украина), где происходило снижение указанных расходов государства, тенденция в экономике прямо противоположная²⁰.

Опыт экономических успехов многих стран мира, например, так называемых «азиатских тигров» (Тайвань, Сингапур, Южная Корея и др.), также подтверждает непреложную истину: вложения в образование и науку являются одними из самых эффективных и перспективных затрат государства.

Одним из неперенных условий выхода общества из состояния тотального кризиса является его способность адекватно отразить сложившуюся ситуацию и принять необходимые меры для преодоления губительных тенденций. Отсюда – непреходящее значение в жизни страны научной философии, ибо только она способна дать объективную картину мира и надежные ориентиры дальнейшего развития. Поэтому современная материалистическая философия является базовым компонентом интеллектуального потенциала общества. Чем выше философская культура общества, тем прочнее, основательнее его интеллектуальный потенциал, тем больше у него возможностей адекватно отвечать на вызовы времени. Драматизм нынешней ситуации в России заключается в том, что общество в значительной степени утратило способность объективно отражать и адекватно реагировать на происходящие события, поскольку научное мировоззрение перестало быть определяющим духовным устоем общества. Сохранить философию, которая даже через пропагандистские шоры позволяет разглядеть суть происходящего, – этого реформаторы не могли допу-

²⁰ См.: *Гринберг Р.* Десять лет системной трансформации // Независимая газета. 1999. 18 июня. С. 4.

стить. Поэтому это «наследие прошлого тоталитарного режима» не могло не быть подвергнуто массивной атаке. Грозный клич президента «разобраться» (с кафедрами общественных наук) нашел отклик у сервильной интеллигенции, которая по этому случаю вспомнила известный лозунг Вольтера. «Выдавливание» научного материализма происходило чаще всего не на основе его серьезного критического анализа (такие попытки предпринимались лишь в эпоху «перестройки»), а методом его вульгаризации или политических штампов. Эта философия трактовалась как теоретическая платформа исключительно советского социализма. В пропагандистских штампах с ней ассоциировались тоталитаризм, ГУЛАГ, беззаконие, нищета и т. д. Поэтому начавшееся в конце «перестройки» мировоззренческое «линяние» бывших марксистов приобрело теперь массовый характер. Прослыть идеологом ГУЛАГа никто не хотел. Сказать сегодня, что слово «материалист» (и тем более «марксист») – слово не модное, – значит не сказать ничего. Известный журналист, поэт и публицист К. Кедров в ноябре 1993 г. с удовлетворением констатировал: «Сегодня *одурь материализма* проходит, и мы имеем возможность иными глазами посмотреть на привычные явления» (выделено мной. – Л. М.)²¹. И эта оценка научного мировоззрения, опубликованная в одной из центральных газет страны, не самая резкая из тех, которые я встречал.

Изменения, происшедшие за эти десять лет в духовной сфере нашего общества, не менее тревожны, чем в экономике и политике. Западная массовая культура и назойливо-агрессивная реклама в течение всего этого времени настойчиво внедряли в сознание беззаботно-циничный стиль жизни. Реанимировав и взяв на вооружение тезис Н. Бухарина «обогащайтесь кто как может», реформаторы породили в обществе дух делячества и прагматизма. Шокирующий нравственный и правовой нигилизм, мировоззренческая «всеядность» (иначе – философское бескультурье), всеоб-

²¹ Кедров К. Христианская физика Дмитрия Панина, открывшего, что душа концентрируется в горле // *Известия*. 1993. 6 нояб. С. 10.

щая «мода» на религию стали обычным явлением. Былая социально-политическая активность населения (вспомним эпоху «перестройки») сменилась политической апатией, безразличием ко всему происходящему. Народ большей частью превратился в статиста исторического процесса. Все это свидетельствует о патологических изменениях, происшедших в сфере общественного сознания страны. Длительные усилия по деформированию сознания общества способствовали изменению сознания самой элиты. Оно не просто стало другим, отличным от сознания общества, но и совершенно утратило способность адекватного воспроизведения реальности. Свидетельство тому – «Политическая декларация «Союза правых сил». «В XX веке, – утверждают авторы документа, – Россия была отброшена назад. Но благодаря самоотверженным усилиям диссидентов-правозащитников, политиков-демократов, экономистов-реформаторов и первых российских предпринимателей Россия сделала гигантский шаг в своем политическом, экономическом и нравственном развитии»²². Без ложной скромности лидеры правых считают себя выразителями национального интереса России. Понятно поэтому, что, по их мнению, именно они – реформаторы – имеют моральное право на дальнейшее управление страной. Какковы будут результаты такого управления, если претенденты страдают полной аберрацией зрения, предсказать нетрудно.

Одновременно с вытеснением из общественной жизни материализма и атеизма с начала 90-х гг. усиливалось влияние церкви. Рост религиозной активности был обусловлен несколькими факторами. Первый – это, конечно, глубокий кризис, поразивший все сферы общественной жизни. Выбитые из привычной жизненной колеи люди, потерявшие работу, денежные накопления, поддержку со стороны социальных институтов, потеряли и уверенность в своих силах. «Религия, – писал Маркс, – есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или

²² См.: Независимая газета. 2001. 29 мая. С. 8.

уже снова потерял»²³. Второй – это демократизация общества, позволившая реализовать в полной мере право на свободу совести. Третий (но по значимости, скорее, первый) – труднообъяснимая для светского государства особая политика власти в отношении к церкви. Она проявлялась не только во всесторонней, прежде всего, материальной помощи государства Русской православной церкви, но и в том, что эти финансовые отношения были чаще всего совершенно непрозрачны и потому никем не контролировались. Поэтому, сколько федеральных денег в результате этих доверительных отношений прямо или опосредованно (через таможенные и иные льготы) было передано на богоугодное дело, можно только гадать. Учитывая беспрецедентное за столь короткое время количество восстановленных и построенных храмов, открытых приходов²⁴, сверкающую позолоту куполов, вызывающую роскошь религиозной утвари и пышность религиозных ритуалов, можно сделать вывод – денег ушло немало. Церковь у нас по Конституции отделена от государства, и расходование государственных средств (причем в таких масштабах) на нужды общественной (т. е. частной) организации, какой является церковь, есть грубейшее нарушение основного закона страны. Но упрекать в такой «мелочи» людей, задавшихся целью построить правовое общество, просто язык не поворачивается.

Есть в этих доверительных отношениях и другая, более важная, на мой взгляд, сторона. Государство осуществляло щедрую помощь церкви в то время, когда его военнотрудовые умирало от недоедания, а больные – из-за отсутствия медикаментов. Врачи, учителя, научные работники

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 414.

²⁴ Только с 1990 по 1997 г. было восстановлено 127 епархий, насчитывающих более 19 тыс. приходов РПЦ, где служат около 20 тыс. священников, количество монастырей достигло 478, не считая 87 монастырских подворий. Открыто также 5 духовных академий, 26 духовных семинарий, 29 духовных училищ, 1 богословский институт, 2 православных университета, 13 подготовительных курсов и т. д. См.: Цеханская К. В. Россия: тенденции православной религиозности в XX в. (статистика и реальность) // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 66.

по полгода не получали свою мизерную зарплату. Можно ли в этом случае такую политику государства считать нравственно оправданной или богоугодной? Не думаю.

Особые отношения государства к церкви, установившиеся с начала 90-х гг., имеют знаковый характер. Этим были обозначены приоритеты новой власти. Религия, похоже, должна занять ту нишу, которая освободится после полного «выдворения» научного мировоззрения из жизни общества. Такой сценарий вполне просматривается. Если для социализма господствующим мировоззрением был марксизм (с материализмом и атеизмом как составляющими его частями), то при абсолютной политической и идеологической ангажированности новой власти и скудости ее творческого потенциала выбор какого-то действительно нового мировоззрения, которое укрепляло бы эту власть и одновременно объединяло раскалывающееся на части общество, был просто невозможен. Как известно, обращение президента к интеллигенции разработать национальную идею не получило достойного отклика. Отсюда и выбор в пользу религии. Поэтому противоестественная (как для светского государства, так и для самой христианской церкви) публичная религиозность бывших партийных и государственных работников, еще вчера возглавлявших борьбу с «пережитками средневековья», есть не что иное, как сознательная политическая поддержка церкви в ее желании превратить религию в господствующее мировоззрение общества. Демонстративное участие высокопоставленных сановников в церковных обрядах (своеобразных шоу масковой культуры)²⁵ превратило религиозность во «всеобщую моду», поддерживаемую государством. Фактически религия уже стала государственной идеологией. Религиозные праздники стали государственными. К ним готовятся и их отмечают почти на государственном уровне. По всем каналам (в том числе государственным) телевидения и радиовещания ежедневно идут религиозные передачи. Исчезли

²⁵ См. об этом: *Акопян К. З.* От религии к маскульту: логика метаморфозы // *Философские науки.* 2000. № 2.

научно-просветительские (не говоря уже об атеистических) программы. В газетах и журналах вполне серьезно пишут о чудесах, о таинственной спасительной силе икон, святых источников, мощей, молитв и т. д. Большинство таких выступлений (особенно на радио) носят не религиозно-просветительский, а наступательно-антинаучный характер. Их авторы не утруждают себя поиском новых методов «опровержения» научного мировоззрения. Приемы старые – это искажение исторических фактов (в том числе отношения церкви к науке и ученым), некорректная интерпретация естественнонаучных гипотез («теория расширяющейся Вселенной», «космологический антропный принцип» и т. д.) и, конечно, спекуляции на давно известных в философии парадоксах (парадокс «сосчитанной бесконечности», парадокс развития и т. д.). Словом, идет массовое наступление религии на научное мировоззрение. Нередко в погоне за новыми сенсационными «научными доказательствами» существования потусторонней вечной жизни, ада, рая и т. д. авторы публикаций оказывают религии «медвежью услугу». Так, упомянутый ранее К. Кедров, опираясь на работу Д. М. Панина («Теория густот»), пишет, что современная наука доказала существование души. Она представляет сгущение трансфизических частиц, занимающих пространство между сердцем и корой головного мозга²⁶. Автор не осознает, что отстаиваемая им идея и есть та самая «одурь (в прямом смысле слова. – Л. М.) материализма», которую он ненавидит лютой ненавистью. А с религиозной точки зрения – это ересь.

В процессе последних десяти лет произошла интересная (для конца XX в.) метаморфоза. Церковь и религия из общественной организации, из частного дела граждан трансформировались в государственный институт, а наука и образование из государственного института превратились в частное дело самих граждан. Разумеется, де-юре все иначе. К сожалению, мы живем не «в де-юре» (в светском государстве XXI века), а «в де-факто» – в обществе с менталь-

²⁶ Кедров К. Указ. соч.

ностью средневековья, где при спасении больных и терпящих бедствие в море людей заговорам и молитвам придают не меньшее значение, чем реальной практической помощи.

Это противоречие между «де-юре» и «де-факто» в отношении государства к церкви, науке, образованию, видимо, следует отнести к одним из достижений российской демократии.

Заботливое внимание государства к церкви получило должную оценку со стороны последней. В «Основах социальной концепции Русской православной церкви», принятой в августе 2000 г. на юбилейном Архиерейском соборе, церковь «не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей, но и молиться за нее...». Авторы концепции напоминают мирянам слова апостола Павла, что всякая власть от Бога и посему «противящийся власти противится Божию установлению»²⁷. Учитывая последствия реформ, властям страны трудно было бы найти себе более мощную моральную и идеологическую поддержку.

В этом же документе РПЦ пытается «застолбить» свои завоевания последних десяти лет. Похоже, что свобода совести, гарантируемая Конституцией страны, не очень устраивает РПЦ, поскольку «превращает религию из общего дела в «частное дело» каждого и свидетельствует об утрате в обществе религиозных целей и ценностей»²⁸. Принцип светского государства, как утверждается в социальной концепции РПЦ, нельзя понимать как радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни. В документе определены основные направления совместной деятельности церкви и государства. Они практически охватывают все сферы общественной жизни, начиная с экономики и кончая образованием и наукой.

Церковь еще в начале 90-х гг. добивалась права доступа в светскую систему образования. И, похоже, такое согласие

²⁷ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Православная газета. 2000. Сент. № 8. С. 3.

²⁸ Там же. С. 2.

государства она получила, коль скоро наука и духовное образование определены в ее программе как направления сотрудничества с государством. Именно на этой перспективе я бы хотел остановиться в заключительной части статьи.

В начале 90-х гг. было принято решение ввести преподавание религии в светских учебных заведениях. Видимо, те политические и идеологические соображения, о которых писалось выше, побудили политическую элиту уступить давлению РПЦ. До сих пор это решение было реализовано частично. Школам дано право в качестве факультативного курса силами самих учителей преподавать религиоведение. Между тем социологические исследования, проведенные сотрудниками Министерства общего и профессионального образования РФ, показывают, что 58,5 % учителей школ против такого обучения²⁹. Но, несмотря на негативное отношение к этой затее властей большей части общественности страны³⁰, в настоящее время предполагается предоставить церкви право самой преподавать в средней и высшей школе («Закон Божий» и теологию). Если это желание РПЦ будет узаконено через Федеральное собрание (а похоже, что так и будет), то в стране возникает ситуация, какой не было даже в дореволюционной России.

Наиболее распространенным аргументом сторонников введения религиозного образования является тезис о том, что в условиях мировоззренческого вакуума только религия в состоянии восстановить духовность и нравственность. Социологические исследования, проведенные в 1997–1998 гг. Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП), показывают, что хотя 49,2 % россиян и разделяют такую точку зрения, однако на практике религиозные взгляды не влияют на асоциальное и аморальное поведение опрошенных. Нет существенного различия между верующими и неверующими и в их антипатиях к представителям нетитульных национальностей,

²⁹ См.: *Цеханская К. В.* Указ. соч. С. 66.

³⁰ См.: *Гинзбург В.* Религия и наука // Наука и жизнь. 2000. № 7.; *Алексеев И. И.* Когда стыдно быть ученым // Независимая газета. 2000. 22 нояб. С. 4.

живущих в России³¹. Это не может не ставить под сомнение аргументы сторонников внедрения церкви в светскую школу. История дореволюционной России, где абсолютное большинство населения было верующим (и неграмотным), также не дает основания считать, что религиозность может быть основополагающим фактором духовно-нравственного совершенства. Зато исторический опыт позволяет согласиться с конфуцианцем Мен-цзы (IV–III вв. до н. э.), согласно которому умный правитель побуждает народ к добру, если обеспечивает его средствами существования. Кроме того, общество не может быть нравственным в принципе, если безнравственна политика государства по отношению к образованию, науке, т. е. к тем людям, которые «сеют» разумное, доброе, вечное. Безусловно, и церковь выполняет такую функцию, но абсолютизировать эту ее роль в обществе и отдавать ей право монопольно определять духовную жизнь в стране – это значит совершенно потерять чувство исторического времени. В случае внедрения религии в систему образования негативные последствия для общества будут намного превышать его возможный позитив.

Как уже отмечалось, социологические исследования не подтвердили зависимость нравственного поведения людей от их религиозных убеждений. Зато они показали, что верующие более консервативны, замкнуты, пассивны, чем неверующие. Среди последних в полтора раза больше тех, кто «внимательно следит за политической информацией в стране», и в два раза больше «лично участвующих в политической деятельности»³². Ученые отмечают, что в последние годы среди населения растет удельный вес тех, кто не только ничего не знает о деятельности государства, но и не особенно стремится узнать³³. Есть основания предполо-

³¹ См.: *Медведко С. В.* Материалы опросов общественного мнения, проведенных центром «Религия в современном обществе» РНИСиНП в 1997–1998 годах // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. 1999. № 3. С. 139–140.

³² *Медведко С. В.* Указ. соч. С. 135–137.

³³ См.: *Рыбкина Р. В.* Теневизация российского общества // Социологические исследования. 2000. № 12.

жить, что одной из причин «деполитизации» общества является рост его религиозности. Конечно, рост социально-политической пассивности может вполне устраивать власть, но было бы глубоким заблуждением сиюминутные интересы политической элиты отождествлять с долгосрочными интересами всего общества. Превращение народа в безропотную послушную массу, слепо подчиняющуюся власти (ведь «любая власть от Бога»), может обернуться для самого народа и страны в целом большой бедой. Тому подтверждение история Европы первой половины XX в.

В понимании исходных посылок, предмета, задач, целей познания между наукой и религией есть существенное различие. Авторы «Основ социальной концепции...» признают это, но в то же время считают «некорректным противопоставлять религию и так называемое научное мировоззрение»³⁴. Как представляется, в социальной концепции РПЦ умышленно игнорируется мировоззренческая и методологическая составляющая научного познания, чтобы доказать совместимость религии и науки, религии и научного образования. Между тем религия и наука – это не просто два различных метода идеального освоения мира, которые якобы дополняют друг друга (распространенная сегодня точка зрения: В. Соколов, В. Кутырев и др.). Они формируют совершенно разные (несовместимые) картины мира, стили мышления и поведения. Предмет познания науки – природа, мир, существующий объективно. Для религии это Высший Разум. С точки зрения религии, природа сама по себе закрыта для познавательной деятельности человека. «Христианство, – писал Н. Бердяев, – закрывает наглухо внутреннюю жизнь природы и не допускает человека к этой жизни»³⁵. Первородный грех человечества – это результат нарушения Божественного запрета или, иначе, религиозная оценка первой самостоятельной познавательной активности людей. Исторически враждебное отношение церкви к науке и ученым, проявляющим самостоятель-

³⁴ Православная газета. 2000. № 8. С. 21.

³⁵ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 90.

ность, есть выражение этой оценки. Правда, сегодня ситуация заметно изменилась, поскольку значение науки в жизни человечества очевидно. Поэтому в Энциклике Папы Иоанна Павла II «Вера и Разум» (15 октября 1998 г.) утверждается: «Вера и разум – это как бы два крыла, на которых человеческий дух возносится к созерцанию истины»³⁶. Но в достижении этой истины, с точки зрения церкви, определяющую роль все же играет религия, ибо только она имеет дело с Откровениями Бога, Вечными истинами. «Разум, лишенный откровения, обречен на блуждание окольными путями, в результате чего он подвергается опасности потерять из виду конечную цель»³⁷. Но истина в религии есть Бог. Он является высшей целью познавательного процесса. В то же время признание Творца является исходным мировоззренческим принципом, предваряющим процесс познания, определяющим смысл и цель познавательной деятельности и жизни человека.

Исходной мировоззренческой основой научного познания является материализм. Материализм есть понимание природных и социальных процессов такими, какими они есть на самом деле (Энгельс). Поэтому, строго говоря, научное познание может состояться только на базе современной материалистической методологии, ибо только она позволяет обеспечить объективность и адекватность воспроизведения в теории познаваемой реальности. Любое предположение о существовании в мире (в объекте познания) неких сверхъестественных, трансцендентных сил ограничивает сферу возможностей человека и делает неуместной саму деятельность. Поэтому, когда ученые, «модничая», вслед за религиозной толпой объявляют себя верующими, они подрывают право на свое профессиональное существование³⁸. Словом, вы признаете существование творца, и тогда не может идти речь ни о какой серьезной

³⁶ Цит. по: Гинзбург В. Религия и наука // Наука и жизнь. 2000. № 7. С. 25.

³⁷ Там же.

³⁸ Кутырев В. А. Любовь к мудрости на пороге нового века // Вестник МГУ. Сер. № 7. Философия. 1998. № 3. С. 14.

научной деятельности. Или вы занимаетесь научной деятельностью, которая не позволяет вам признать Бога. Совместить и то и другое невозможно, если, конечно, не говорить о мировоззренческом двуличии. Но идейное лицемерие неприемлемо как для религии, так и для науки.

С точки зрения религии, познание природы позволяет человеку во всей полноте познать совершенство и величие Творца. Понятно, что чем совершеннее, чем величественнее образ Бога в сознании верующего, тем скромнее его оценка собственных возможностей и способностей. Подобное мироощущение вряд ли может стимулировать интеллектуальную и практическую активность человека (особенно в юном возрасте).

Научное мировоззрение дает другой эффект. Даже простое ознакомление школьника с достижениями науки и техники демонстрирует силу и мощь человеческого разума, безграничные возможности человека как универсального существа, как творца. Именно на основе научного мировоззрения у человека возникает вера в свои собственные силы и возможности, появляется понимание того, что его судьба, как и судьба человечества, зависит не от Бога, а от самих людей, от их деятельности. Отсюда и гипердинамизм как стиль жизни и мышления.

Под влиянием фактов наука постоянно совершенствуется, развивается. Критическое переосмысление достигнутых знаний является важнейшим условием развития науки. Открытия И. Лобачевского, А. Эйнштейна и многих других известных ученых состоялись лишь потому, что они не боялись пересмотреть всеми признанные истины. Критический антидогматический взгляд на действительность возможен при свободе мышления. Согласно И. П. Павлову, «абсолютная свобода мысли» – важнейшая черта научного ума. «Вы должны быть всегда готовы к тому, чтобы отказаться от всего того, во что до сих пор крепко верили, чем увлекались, в чем полагали гордость вашей мысли, и даже не стесняться теми истинами, которые казались бы уже

навсегда установлены наукой»³⁹. Философия вообще, а научная в особенности всегда ориентирует человека на критическое переосмысление действительности. «Признание философа, – пишет Ю. Бохемский, – в том, что он иконоборец, ниспровергатель предрассудков и суеверий. Его главная задача – ниспровержение идолов»⁴⁰. Формируя у человека способность и потребность к свободному мышлению, научная философия выступает как важнейший духовный фактор дальнейшего интеллектуального самосовершенствования индивида. Развивая у человека способность объективного, критического, свободного мышления, научная философия вырабатывает «иммунитет» против догм, суеверий, предрассудков, помогая, таким образом, людям освободиться (или избежать) духовного рабства.

В противоположность научному религиозное мировоззрение статично. За две тысячи лет оно практически не изменилось. Изменения здесь невозможны, ибо это Откровения Бога. Они абсолютны, вечны, самодостаточны. Так, в «Основах социальной концепции РПЦ» утверждается: «Церковь непогрешимо исповедует Христову Истину, преподает нравственные заповеди, исходящие от Самого Бога, а потому она не властна изменить что-либо в своем учении»⁴¹. Даже в комментировании религиозных догм теологи не свободны. Как отмечал Э. Жильсон, «профессор философии в иезуитском колледже был бы немедленно отстранен от должности, если бы в его преподавании обнаружилось хоть малейшее отступление от праведных путей схоластики»⁴². Очевидно, что при подобных требованиях церкви формируются особые признаки (религиозного) ума: догматизм, консерватизм, осторожность, сдерживающие развитие познавательных способностей человека.

³⁹ Павлов И. П. Об уме и вообще // Природа. 1999. № 8. С. 89.

⁴⁰ Бохемский Ю. Сто суеверий. М., 1993. С. 12.

⁴¹ Православная газета. 2000. № 8. С. 5.

⁴² Жильсон Э. Понятие свободы у Декарта и теология // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. 1999. № 2. С. 159.

О различиях между наукой и религией можно говорить много, но и то, что было изложено по этому поводу, убеждает в следующем. Введение религии в светскую систему образования приведет к полному и окончательному ее разрушению. Поскольку система образования, основанная на религиозной духовности, по определению, не в состоянии готовить полноценную научную смену, то результатом этого антиконституционного шага власти будет также исчезновение современного научного потенциала страны – поистине «золотого фонда» нации. Если же предположить, что школа будет справляться со своей задачей, то можно сказать, что деньги на религиозное образование были потрачены зря. Единственным результатом такого просвещения окажется тиражирование молодых приспособленцев с развитыми способностями политической и идеологической мимикрии. Но к формированию духовности такое образование отношения не имеет.

XX век аккумулировал и спрессовал в себе итоги предшествующего тысячелетия. Традиции, ментальность современной России сформировались на базе духовной культуры, научного мировоззрения XX в. Флирт политической элиты с церковью под лукавым лозунгом восстановления традиций русской культуры, ассоциируемых исключительно с религиозными ценностями средневековья, означает не восстановление традиций, а их сознательное разрушение. «Выдавливание» научного мировоззрения религиозным есть попытка власти и церкви принудить общество XXI в. видеть и понимать сегодняшнюю действительность глазами и мозгами людей средневековья. Исследования РНИСиНП показывают, что идею духовного очищения общества через православную веру поддерживают лишь 8,2 % православных. Абсолютное большинство россиян не одобряют возврат к религиозным духовным ценностям⁴³. Но особенность нашей демократии в том, что народ думает одно, а власть

⁴³ *Королев С.* Долгие проводы советской эпохи // Независимая газета. 2001. 17 янв. С. 15.

делает другое. И потому движение в XXI век в эпоху Средневековья продолжается.

Изменения, происшедшие в России последние десять лет, дают основание утверждать, что страна опасно близко подошла к той черте, перейдя которую, она лишается не только перспективы развития, но и вообще будущего. Срабатывает ли у народа хотя бы инстинкт самосохранения, чтобы остановить этот губительный дрейф нации? Хотелось бы надеяться!